

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПОЛЬШИ В ПРОЗЕ ИСААКА БАБЕЛЯ

В статье рассматриваются мифопоэтические и нравственно-эстетические аспекты “польского текста” в творчестве Исаака Бабеля на материале его ранних рассказов и романа “Конармия”.

Введение

Принадлежность И. Бабеля одновременно к нескольким культурам обусловила тему “вавилонского смешения языков” в его творчестве (См.: Жолковский, Ямпольский), заявленную даже созвучием фамилии писателя.

Вписывая “бабелевские темы аутсайдерства, иноязычия, бестиальности” в культурно-историческую ситуацию, исследователи стремятся определить его место в вихре социальных изменений. Писатель оказывается “персоной поп grata, сомнительной для “демократов” своей причастностью литературному большевизму, а для “патриотов” – своим инородчеством” [1].

Конфессиональная пестрота Одессы сформировала космополитическое мировосприятие Бабеля: учеба в Одесском коммерческом училище, построенном известным в городе польским архитектором, смешанный состав преподавателей училища (в их числе были и, как писал Бабель в автобиографии, “сановитые поляки”), этническое разнообразие города (молдаване, малороссы, поляки, русские, евреи, греки и др.) способствовали этому. Будущий писатель обладал острым, несмотря на близорукость, взглядом, ему было интересно все: портовые районы Одессы манили Бабеля уже в училище [2]. Позже это же любопытство приведет его в Первую конную армию Буденного, где Бабеля придется служить по чужим документам.

Основная часть

Природное обаяние Бабеля позволяло быстро находить общий язык с окружающими, но сослуживцы и приграничное польско-еврейское население относились к писателю с подозрением. Красноармейцы видели в Бабеле еврея, а интеллигенты – представителя Красной России. По мнению Б. Сарнова, Бабель “не смог порвать пуповину, связывающую его со старым миром, с прежней, ненавистной новым людям системой христианских ценностей” [3]. Однако интерес писателя к представителям разных культур (советской и “буржуазной” польской), сочувствие религиозным убеждениям поляков (“У святого Валента”, сб. “Конармия”) и польских евреев (“Гедали”, сб. “Конармия”) свидетельствуют скорее о “двусмысленности и пограничности фигуры [Бабеля], аналогичной его родному городу” [2], Благодаря “пограничности” и поликультурности писатель уже в ранних рассказах (“Детство у бабушки”, “Девять”, “Мама, Римма, Алла”) различает этнические особенности польского, еврейского, русского миров.

И. Бабель предлагает оригинальную авторскую художественную интерпретацию польского мира, событий советско-польской истории. Соблюдая этическую индифферентность, он создает масштабное культурно-историческое полотно. При этом яркой особенностью художественного метода писателя становится соединение реальных исторических событий и мифопоэтической традиции.

В литературной традиции XIX в. сложился интерпретационный код “польского текста”, согласно которому события польской истории, характеры поляков трактовались при всей амбивалентности негативно. Настороженное, часто враждебное отношение к полякам-бунтовщикам, не желающим смириться с российским государственным деспотизмом, перекочевало из литературы XIX в. в литературу XX в. С одной стороны, Бабель заимствует этот код, сохранив не только настороженность и враждебность при описании поляков, но и традиционное восприятие Польши, живущей воспоминанием о “романтических временах шляхетства” [4, с. 24]. С другой – писатель переписывает “польский текст”, наполняя его индивидуальным смыслом, подобно своему персонажу – художнику пану Аполеку, который расписывал церковь близкими ему палестинскими пейзажами и знакомыми лицами. Как на живописных полотнах Аполека горькая реальность маленького городка преображена в сакральную, так же и в очерках писателя Лютова братоубийственная война превращается во вселенскую мистерию.

Историософский дискурс И. Бабеля в “Конармии” и параллельных статьях Кирилла Лютова (псевдоним Исаака Бабеля в газете “Красный кавалерист”) при кажущемся внешнем документализме мифопоэтичны. В новом героическом эпосе, создаваемом Бабелем, звучат традиционные мотивы дороги, странствий, преодоления препятствий.

Один из основных в героическом эпосе мотив дороги получает в рассказах Бабеля свое продолжение: дорогой, связывающей территориальное и этнокультурное пограничье Польши и Малороссии, открывается описание похода Конармии.

Понятие “пограничья” – ключевое для понимания интерпретационного кода “польского текста” в творчестве Бабеля. Бывший сельский учитель Андрий Сулак прячется в яму собственной конюшни на Волыни, хотя, по слухам, должен был бежать в польскую Галицию (рассказ “Сулак”). Таинственный иностранец Струк (роман “На биржу!”, 1927) находится одновременно в нескольких культурных пространствах: он урожденный еврей из Белостока, профессионально связанный с Америкой и мечтающий о тракторном заводе в Советском Союзе. Границы разных государств проходят сквозь судьбу еврея Корба (рассказ “Девять”, 1916).

Для героев “Конармии” дорога – это начало военно-кочевой эпохи в жизни, бездомности, бесприютности. Войско красноармейцев движется по построенной русским царем дороге: “Наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, идущему от Бреста до Варшавы и выстроеному на мужичьих костях Николаем Первым” [4, с. 11]. Мотив “мужичьих костей”, по которым идет красное мужицкое войско, усиливает предчувствие гибели пути. Кроме того, Бабель намекает на то, что новое красное войско (мужицкое) продолжает прежнюю царскую колонизаторскую политику.

В очерке “Переход через Збруч” мотив неизбежности смерти еще более усилен. По реке Збруч в 1920-м г. проходила советско-польская граница. В мифопоэтической же традиции река – это граница между мирами мертвых и живых. Река становится первым преодоленным конармией препятствием, разделяющим советский и польский миры.

Бабель создает “художественную модель раннего советского космоса”, наполняя ее символами смерти [5, с. 12]. Солнце “катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу” [4, с. 11]. В созданной поэме “Закат” мотив “смерти русской культуры, обреченной историей на гибель”, будет вынесен в заглавие [6]. Мотив отрубленной головы (предчувствие и осмысление смерти) прозвучал также в стихотворении Н. Гумилева “Заблудившийся трамвай”.

Бабель придает картине переправы через Збруч метафорический смысл, указывая на пограничный характер реки – между миром живых и мертвых. Под покровом ночи, подобно разбойникам, красноармейцы пытаются переплыть реку: “Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены... величая луна лежит на волнах. <...> Кто-то тонет и звучно порочит богородицу. Река усеяна черными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям” [4, с. 11].

Мосты, изначально предназначенные соединять берега, разрушены, превращены в разъединяющее препятствие. Они не только создают преграду на пути армии, но и пробуждают дикие инстинкты солдат. Конармейцы совершают своего рода культовое омовение перед вхождением в чужие пределы и одновременно демонстрируют превосходство над силой природы. Несмотря на тонущих

рядом соратников, остальные бойцы Красной армии поют, свистят, наполняя пространство гулом. Переход через Збруч превращается у Бабеля в сатанинское игрище. Красноармейцы, переправляющиеся через Збруч, изображены Бабелем как бездуховная звериная сила, как некая неуправляемая, стихийно возникшая материя, как “плоть, мясо, кровь, мускулы, румянец, всё, что горячо и буйно растёт, дышит, пахнет, что прочно приковано к земле” [7, с. 502].

Мотив скитания звучит в рассказах “Письмо”, “Путь в Броды”, “Учение о тачанке”, “Берестечко”, “Афонька Бида”, “Прищепка”, а также в рассказе “Девять”, “Сулак”, главе коллективного романа “На биржу труда!”. Герой рассказа “Девять” Корб, символизирующий судьбу еврейского народа, всю жизнь провел в дороге, и Бабель называет его “истинным Агасфером” – осужденным на вечные скитания.

Сюжет о “вечном Жиде” и связанный с ним мотив скитания обусловлен в творчестве Бабеля не только авторской этнокультурной метабиографией, но и новой эстетикой революции. Обреченность красной конницы на вечное скитание приравнивается у Бабеля к проклятию за кровавые события октября, за брато- и цареубийства.

Мотив разрушения в “Дневнике 20-го года” в сборнике “Конармия” является основным. Изображая местечко Броды, которое “переходит из рук в руки”, Бабель отмечает, что оно “полуразрушено”, писатель видит здание “Пражского Банка, обобранное и разодранное, клозеты, эти банковские загородки, зеркальные стекла <...> фольварк, имение разрушенное” [8, с. 395]. В Новоград-Волыньске¹, “наспех смятом городе, среди скрюченных развалин...” [4, с. 20], и других местечках Бабель встретит похожий пейзаж. Символическая судьба польских евреев сконцентрирована в описании “безжизненных еврейских местечек”, которые “лепятся у подножия панских фольварков” [4, с. 39]. И. Есаулов отметит, что именно через разрушение городов происходит освоение “чужого для рассказчика и конармейцев пространства” [5, с. 14].

Символом разрушенного Новограда становятся увиденные Бабелем в отведенной ему квартире развороченные шкафы, обрывки одежды на полу, черепки культовой посуды, “употребляющейся у евреев раз в году – на Пасху” [4, с. 11]. Бытовое и сакральное, низкое и возвышенное изображаются Бабелем в одной рамке. Кульминацией запустения и разрухи в рассказе становится финальная сцена: под одеялом на матрасе, рядом с местом, отведенным Лютову-Бабелю, оказывается мертвый старик.

Евреи, вынужденные веками растворяться в чужой культуре, оказываются выброшенными на обочину истории в 20-е гг. XX в. С одинаковой жестокостью их уничтожают и бойцы Красной армии, и поляки: “поляки резали его, и он молился им <...> но они делали так, как им было нужно” (“Переход через Збруч”, сб. “Конармия”); “прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой <...> Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись” (“Берестечко”, сб. “Конармия”). Живые соседствуют с мертвыми, которых некому предать земле: в Новограде евреи с подчеркнута тонкими шеями и беременная девушка не в состоянии совершить необходимый ритуал; в м. Берестечко Кудря стучит в окно: “Если кто интересуется – нехай приберет. Это свободно...” [4, с. 60]. Однако наводить порядок и восстанавливать разрушенное не имеет смысла, поскольку в городе безвластие.

¹ Первый город на пути следования Конармии, исторический Звягель, до 1793 г. был в составе Речи Посполитой; в 1920 г. несколько раз переходил из рук Красной армии к полякам и наоборот.

Мотив кладбища объединяет художественную действительность и историческую реальность. По дороге в Броды “из-за могил выскочил польский разъезд и, вскинув винтовки, стал бить по нас” [5, с. 41]. В Берестечке “из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел про былую казачью славу” [5, с. 60]. Культ предков разрушается поляками, и одновременно “кладбищенская” песнь становится победным гимном для красноармейцев. Кладбище в мифопоэтической традиции – место пограничное между мирами живых и умерших. Включение священного места упокоения в прозаическую жизнь десакрализует его, одновременно усиливая мотив смерти.

Идея богооставленности пограничных польско-украинских земель и неверие в духовное обновление выражена Бабелем в метафорическом переносе: “на Волини нет больше пчел” [4, с. 36]. В мифопоэтическом представлении образ пчелы связан с высшим, “божественным началом” [9, с. 327-328]. Бабель проецирует образ “истерзанных враждующими армиями” волинских пчел, символизирующих чистоту и непорочность, на образы еврейских девушек, которых “насиловали польские жолнеры и из-за которых стрелялись польские магнаты” [4, с. 39]. Это усиливает мотив богооставленности, духовного краха, произошедшего на Волини и в Галиции.

Предметный мир польского приграничья разделен надвое. Все, что связано с армией Буденного, имеет для Бабеля земную, осязаемую основу: хаты, за углами которых прячутся поляки или можно спрятаться самим; тачанки, лошади, пулеметы, патрон, который “надо стратить” на Долгушова и т.д. Польская действительность лишена конкретики, метафорична: польские пули “нитями протянулись по дороге”, “скулят и взвизгивают”, выстрел “звучно лопнул” [4, с. 37].

Архитектурная культура Польши представлена у Бабеля многообразно: культовые сооружения (костелы и синагоги); замки дворян; дома мирных поляков, русских, малороссов (“живут чисто, в белых домиках за зелеными ставнями” – в рассказе “Берестечко”, сб. “Конармия”); мир евреев, “традиционное убожество” которого “насчитывает столетия” [4, с. 60].

Концепция “хитрой” польской архитектуры с потайными подземными ходами, продемонстрированная еще Гоголем в повести “Тарас Бульба”, раскрывается Бабелем в описании костелов. Польский храм “древен и полон тайны. Он скрывает в своих глянцевиных стенах потайные ходы, ниши и створки, распахивающиеся бесшумно” [4, с. 14]. В интерпретации Бабеля образ костела связан с мистическим содержанием: “Ворота... раскрыты, я вхожу, мне навстречу два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. В испуге я бросаюсь вниз, в подземелье” [4, с. 13]. Древний подвал описан метафорично: ведущая из подземелья дубовая лестница заканчивается алтарем, как будто обеспечивает темной силе доступ из подземелья к святыне. Конармеец, несущий в Польшу идею мировой революции, должен символизировать непричастность к религиозному культу. Бабель-Люттов устраивается на ночь в костеле, демонстрируя отсутствие религиозного трепета: “я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову флиант” [4, с. 13].

Духовная жизнь польского приграничья, лишенная имманентной духовной высоты, замирает перед “нищими ордами” красных варваров. Храм в Берестечко, “могущественный и белый”, светящийся “в солнце как фаянсовая башня”, осквернен пьяным Афонькой Бидой [4, с. 72]. Костел в Новограде разграблен: “Под нашими пальцами прыгают костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая подземелья <...> за царскими воротами мы нашли че-

модан с золотыми монетами, сафьяновой мешок с кредитками и футляры парижских ювелиров с изумрудными крестами” [4, с. 14].

Синагоги также заброшены: “Прикрытая раскидистыми хибарками, присела к нищей земле синагога, безглазая, щербатая, круглая” [4, с. 39].

Мотив нищеты ярче всего виден в противопоставлении материального богатства новоградского костела бедности польских земледельцев. Мальчишка Курдюков, сам из небогатой семьи крестьян, отмечает, что “здесь страна совсем бедная, мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам, пшеницы видать мало, и она ужасно мелкая, мы с нее смеемся” [4, с. 15].

Польская архитектура испытывала влияние европейского зодчества в течение столетий. Польские магнаты подчеркивали родство с европейскими королевскими дворами: по лестнице дома князей Гонсиоровских “поднимались когда-то польские короли” (рассказ “Поцелуй”, сб. “Конармия”). Размах аристократических построек словно подчеркивает, что “поляки любят роскошь” [10, с. 98]. Бабель отмечает, что от роскоши и величия остались только развалины: “светился в огне заката брошенный дом князей Гонсиоровских <...> обломанные стены чертили в небе кривую <...> остаток лестницы <...> в кустарнике” [4, с. 113].

Польские города получают у Бабеля аттестацию “смешения грязного и тяжелого Востока (Византии и евреев) с немецким пивным Западом” [8, с. 404]. Вековое соседство евреев и поляков также смешало их культуры. Однако восточные “золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер и сломанная кастрюля” в лавке жигомирского еврея-философа (рассказ “Гедали”, сб. “Конармия”) противопоставлены чистой и упорядоченной комнате польского студента Мархоцкого (рассказ “Мама, Римма, Алла”, 1916).

Метафизическая опустошенность дома ксендза продолжает мотив богооставленности. Центр духовной жизни города переносится на кухню пани Элизы: здесь “душистыми вечерами собирались тени старой холопской Польши с юродивым художником во главе” [4, с. 20]. В городе, превращенном в руины, кухня воплощает “иную”, метафизическую реальность. Наполняя ее пространство рассказами пана Аполека и изысканной европейской гастрономией, контрастирующей с примитивной кухней конармейцев, Бабель сакрализует домашний очаг. В мифопоэтической модели мира огонь (очаг, кухня) является одним из первоэлементов бытия. Творческое “огненное” начало одерживает верх над темной водой (мотив “верха-низа”, реализованный в расположении кухни относительно реки: “внизу, у обрыва, бесшумный Збруч катил стеклянную темную волну” [4, с. 26]) и порождает рассказы пана Аполека.

Лунный свет, отраженный в воде Збруча, превращает реальный план в мифопоэтический, усиливая мотив “инаковости” польского мира и одновременно дополняя мотив смерти: “обгорелый город” кажется автору “поднятым на воздух”, похожим на сновидение. “Сырая плесень развалин цвела, как мрамор оперной скамьи”, символизируя наследие древних цивилизаций и подчеркивая историческую параллель в судьбах Польши и Рима, павшего под натиском варваров.

Заключение

Польская культура и история, интерпретированная Бабелем с присущим ему “еврейским лукавством, патетикой и грубейшим натурализмом, тончайшим соединением эротика с пронзительным, иногда почти библейским лиризмом” [11], предстает перед читателем амбивалентной, многогранной. Бабель как представитель орнаментального стиля значительно расширяет границы сложившего-

ся в русской литературе канона художественного изображения Польши как коварной соседки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Жолковский, А.К.** Бабель / Babel / А.К. Жолковский, М. Б. Ямпольский. – М. : Carte Blanche, 1994. – 446 с.
2. **Фрейдин, Г.** Форма содержания: Одесса-мама Исаака Бабеля / Г. Фрейдин // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4(78).
3. **Сарнов, Б.** Бабель на фоне современников / Б. Сарнов // Литература. – 2000. – № 34.
4. **Бабель, И.** Избранное / И. Бабель. – Минск, 1986. – 270 с.
5. **Есаулов, И.А.** Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля / И. А. Есаулов. – София, 2011. – 72 с.
6. Международный еврейский общинный центр “Мигдаль” [Электронный ресурс] / Андрушко, Ч. “Закат” Исаака Бабеля на польских сценах. – Одесса, 2006. – Режим доступа : www.migdal.ru/migdal/events/science-confs/3/5850/5851/. – Дата доступа : 3.04.2012.
7. **Воронский, А.** Бабель / А. Воронский // Бабель, И.Э. Избранное. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО «КРПА “Олимп”», 2002. – С. 496-514.
8. **Бабель, И.Э.** Избранное / И.Э. Бабель. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО «КРПА “Олимп”», 2002. – 583 с.
9. **Топоров, В.Н.** Мифы народов мира / В.Н. Топоров, В.В. Иванов // Энциклопедия : в 2 т. ; гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1988. – Т. 2. – 719 с.
10. **Хорев, В.А.** Польша и поляки глазами русских литераторов: имагологические очерки. – М., 2005. – 232 с.
11. **Поварцов, С.** Подготовительные материалы для жизнеописания Бабеля Исаака Эммануиловича / Э. Поварцов // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – С. 202–232.